ПРОБЛЕМА

Интеллектуальные воры в законе

Когда мы познакомились на Международной книжной ярмарке с членом Союза литераторов и Союза кинематографистов России Владимиром Глоцером, он внимательно рассматривал лежавшие на прилавке аудиокассеты.

- Ищете шедевр? - спросил я.

- Нет,- ответил он,- пиратские издания своих трудов,- и показал десятки таких кассет и компакт-дисков.

- Обратитесь в Российское авторское общество,- наивно посоветовал я.- Там помогут наказать пиратов.

Глоцер Владимир.

- От равнодушного бездействия РАО я пострадал, может быть, даже больше, чем от интеллектуального грабежа,- грустно улыбнулся Владимир Иосифович.- В начале 50-х годов меня, не спрашивая, внесли в списки членов ВААПа. В те годы с помощью этой организации государство присваивало гонорар за зарубежные издания отечественных авторов, выплачивая им жалкие крохи. Со временем, как преступник, заметающий следы, ВААП трансформировалось в ГАИС, РАИС и в конце концов превратилось в РАО, единственную организацию, занимавшуюся в нашей стране авторскими гонорарами.

Согласно уставу РАО управляет правами авторов на коллективной основе. Таким образом, в отличие от ВААПа оно исключило из числа своих обязанностей урегулирование конфликтов между авторами и издателями и занимается ими как бы в порядке одолжения. Один из руководителей договорно-правового управления РАО пишет: «Нами решено принимать к производству издательские дела только в том случае, если имеется интересная правовая позиция или размер компенсации прав велик и можно будет получить значительные комиссионные».

Это говорит о намерении правовой службы защищать не права авторов, а собственные интересы. Из всего многообразия юридических услуг, которые оказывала авторам мощная юридическая служба ВААПа, РАО оставило за собой только «оказание консультаций, составление документов, представление интересов автора в суде... Добывание доказательств и розыск пользователей, воспроизводящих в печати произведения авторов, в функции правовой службы не входят».

Но и эти представительские функции РАО выполняет с прохладцей. Как только возникает какое-нибудь препятствие, скажем, не удался розыск, автору тут же отказывают в ведении дела. Если в розыске не было необходимости, они вступают в длительную переписку с пользователем, к которому возникли претензии. Приходится долго уговаривать РАО обратиться в суд. Наконец, отсылается нетребовательное исковое заявление, без заботы о том, что с ним будет дальше. На судебных заседаниях общество защищает автора настолько бледно, что об этом смешно говорить. В процессе, который я наблюдал, представитель юридической службы РАО пересказал судье Закон об авторском праве, видимо, считая, что тот не может прочесть его сам. Поскольку судьи специализируются в определенной части права и ведут процессы в рамках своей компетенции, это нелепо.

Но авторы не могут не состоять в этом обществе. РАО заключает с ними договоры на «большие» права, которыми они обладают в связи с постановками в театре, «малые» права, которые должны охватить концертную деятельность, и механические права - запись произведений на компакт-дисках, видео- и аудиокассетах. Поскольку автору трудно самому проследить прохождение своих произведений на телевидении, радио и в театрах, ему удобно воспользоваться услугами инспекторов региональных филиалов РАО, собирающих поспектакльные гонорары по всей стране. Однако собирают они только те деньги, которые театр соизволяет отдать сам, независимо от того, соответствует ли эта сумма причитающейся автору.

В Новосибирском театре кукол идет моя пьеса «Принцесса на горошине». В театральном отделе РАО мне сообщили, что билеты на спектакли продавались по 100 рублей. Я оказался в недоумении, поскольку сначала получил отчисления, соответствовавшие этой цене, а потом - доплату примерно такого же размера. За что же я получил доплату? Мне объяснили, что во многих театрах помимо кассовой билетной книжки существует еще и другая, которая предъявляется инспектору. Таким образом театры «добывают» наличные.

В том же положении, что и я, в РАО оказались и остальные. Например, наследник репрессированного во времена сталинщины писателя Александра Введенского. В петербургском театре «Приют комедианта» идет его пьеса «Елка у Ивановых». Ссылаясь на то, что театр этот в РАО был не зарегистрирован, РАО платило наследнику поспектакльные отчисления крайне нерегулярно, причем размер этих выплат был до смешного мал. Выяснилось, что в действительности театр был зарегистрирован, но в филиале РАО не знали, что в нем идет пьеса Введенского. Определить размер компенсации, опираясь на справки театрального отдела, оказалось невозможно. Согласно им на спектакль обычно продавалось около 20 билетов ценой по 3000 рублей, в то время как из Петербурга прислали билеты на этот спектакль ценой по 5000 рублей.

Та же неоднозначность существует и в Москве. Договариваясь с Театром Станиславского и Немировича-Данченко о размере компенсации для наследника Введенского, чья пьеса «Куприянов и Наташа» послужила основой оперного либретто, из справки театрального отдела я выяснил, что на один из спектаклей было продано 60 билетов. Мой добровольный помощник насчитал, что в тот день в зале было занято больше 160 мест. РАО приложило титанические усилия, чтобы театр компенсацию наследнику не выплачивал, но, когда эти деньги все-таки поступили, юридическая служба стала «выколачивать» себе дополнительные комиссионные.

Столь же неэффективно действует РАО и в области механического права. Оно вяло упрашивает студии заплатить причитающийся авторам процент валового сбора, но те даже не хотят оформлять лицензии. Из более чем 100 существующих в Москве производителей лицензии РАО имеют 22. Из них 14 не платят обществу ни копейки. Помню, что, когда РАО удалось уговорить какую-то компанию оформить лицензию, это считалось большим достижением.

Я был свидетелем, как на заседании комиссии по механической записи производители аудиокассет и компакт-дисков сетовали, как мало получают авторы в сравнении с известными исполнителями. Но, когда дошло дело до прав авторов, эти же люди стали говорить, что, продавая диски по 2 доллара (сумма, определенная постановлением авторского совета РАО как минимальная), отчислять с них авторам по 16 центов очень дорого.

Это - грабеж! Лицензия предусматривает отчисления с розничной цены диска. Пользуясь неспособностью общества защитить права авторов, производители волюнтаристски приравняли ее к двум долларам. Между тем два двойных компакт-диска с записью моей сказки в магазине на Новом Арбате продаются по 125 тысяч рублей каждый.

При попустительстве РАО производители занижают в заявках тиражи своих изданий, снижая доходы авторов в десятки раз.

Как правило, указывается тираж в 500 экземпляров, хотя меньше тысячи не возьмется делать ни один завод-изготовитель. Раскупленный тираж повторяют, так что за год набегает по десять - пятнадцать тысяч копий. Чтобы определить реальный тираж, РАО должно просмотреть документы пользователя. Однако на практике такая процедура не проводилась ни разу. Сотрудники отдела механической записи ссылаются на то, что пользователи не предоставляют соответствующей информации.

Казалось бы, в этом случае можно предупредить их о лишении лицензии и обратиться в суд. Туда-то во всяком случае объективная документация будет представлена. Но обращаться в налоговую инспекцию и тормошить прокуратуру сотрудники РАО не хотят. Большая часть их деятельности сводится к бесплодному увещеванию пиратов. На такой основе обеспечить защиту авторских прав невозможно. Ведь объезжать театры, телестудии и студии звукозаписи по всей России, чтобы собрать гонорары, невозможно!

Записал Андрей ВЕЙМАРН.

Рос. Вести. - 1996. - 28 ноября - с. 3